

только в час обедни, когда она идет в церковь, охраняемая, и более чем охраняемая, самой поганой старухой, какая когда-либо досаждала добрым людям.

Этот наш веселый молодец, совсем иначе и роскошнее одетый, чем накануне, вновь встретил свою даму, которая сразу его узнала, и, пройдя довольно близко от нее, принял Из ее рук вышеизложенное письмо. Не диво, ежели ему не терпелось узнать его суть. Он свернул за угол и там на досуге и вольной воле увидел и узнал положение своего дела, которое, по всей видимости, было на мази. Посему заключил он, что не хватает ему только удобного места, чтобы довести до конца и завершения похвальное свое намерение, а для исполнения оно не переставал он думать и размышлять денно и нощно, как бы ему сие провести. В конце концов пришла ему на ум хорошая уловка, достойная вековечной памяти.

Он отправился к некоей доброй своей приятельнице, жившей между домом его дамы и церковью, в которую та ходила. И этой приятельнице рассказал он безо всякой утайки про свою любовь, прося, чтобы в такой крайности она ему помогла и пособила.

– Ежели я что могу для вас сделать, то не сомневайтесь, постараюсь от всего сердца.

– На том вам спасибо, – сказал он. – А согласитесь ли вы, чтобы она пришла сюда со мною побеседовать?

– Ну что ж, – сказала та, – ради вас соглашусь охотно.

– Хорошо, – говорит он, – если сумею отслужить вам такую же службу, и будьте уверены, что не забуду вашей любезности.

И не успокоился до тех пор, пока не отписал своей даме и не вручил письма, в коем значилось, что «так, дескать, я упробил такую-то великую свою благоприятельницу, женщину честную, верную и неболтливую, которая и вас хорошо знает и любит, что она предоставляет нам свой дом разговора. И вот что я придумал. Завтра я буду в верхней комнате, что выходит на улицу, а подле себя поставлю большое ведро с водой, испачканной сажеей, и опрокину то ведро на вас, когда вы мимо будете проходить. Сам же я буду так перережен, что ни ваша хрычовка, ни другая живая душа меня не опознает. Когда же вы будете так разукрашены, то сделаете вид, будто опешили, и убежите в дом, а Опасность свою ушлете за новым платьем. Пока она сбегает, мы побеседуем».

Коротко вам сказать, письмо было вручено, и от дамы пришел ответ, что она согласна. Вот настал оный день, и была та дама из рук своего рыцаря облита водою и сажеей, так что убор на голове, платье и прочая одежда перепачкалась и насквозь промокла. И бог свидетель, что она отлично притворилась изумленной и сердитой. И в таком облачении бросилась она в дом, будто не чая встретить там знакомых. Едва увидела она хозяйку, как принялась сетовать на свое злключение, оплакивая то убор, то платье, то косынку; словом, послушать ее, так подумаешь, что конец мира настал. А служанка ее, Опасность, в бешенстве и волнении держала в руках нож и пыталась, как могла, отскрести грязь с платья.

– Нет, нет, милая! Это напрасный труд: этого так сразу не очистишь; все равно сейчас ничего стоящего не сделаете; нужно мне новое платье и новый убор – другого лекарства нет. Ступайте же домой и все принесите; да, смотрите, поторопитесь, а то мы в придачу ко всем невзгодам еще и обедню пропустим.

Старуха, видя, что дело это необходимое, перечить госпоже не посмела: сунула платье и убор под плащ и пошла домой. Не успела она повернуть спину, как госпожу ее проводили в горницу, где поджидал поклонник, с радостью увидевший ее простоволосой и в исподней юбке.

Ну-с, покуда они станут беседовать, мы вернемся к старушке, которая пришла домой, где застала хозяина; а он, не дожидаясь ее речей, незамедлительно спросил:

– Куда вы девали мою жену? Где она?

– Я оставила ее, – отвечала та, – у такой-то в таком-то месте.

– А на какой предмет? – спросил он.

Тут показала она ему платье и убор и рассказала все происшествие с ведром воды и с сажеей, говоря, что она пришла за переменной, ибо в таком виде госпожа ее не решается выйти оттуда, куда зашла.

– Вот оно что? – сказал он. – Матерь божия! Этой уловки нет в моем сборнике! Ладно, ладно, я уж вижу, что здесь такое.

Он едва не сказал, что у него рога выросли; и именно в то самое время они и росли, можете мне поверить. И не спасла его ни книга, ни реестр, куда немало проделок было записано. И надо думать, что эту последнюю так хорошо он запомнил, что никогда не исчезла она из его памяти и